

Александр
БЛОК

Сочинения

Александр Александрович Блок

Памяти Врубеля

«Незаметно протекла среди нас жизнь и болезнь гениального художника. Для мира остались дивные краски и причудливые чертежи, похищенные у Вечности. Для немногих – странные рассказы о земных видениях Врубеля. Для тесного кружка людей – маленькое восковое лицо в гробу с натруженным лбом и плотно сжатыми губами. Как недлинен мост в будущее! Еще несколько десятков лет – и память ослабеет: останутся только творения, да легенда, еще при жизни художника сложившаяся...»

**Александр Александрович
Блок
Памяти Врубеля**

Незаметно протекла среди нас жизнь и бо-лезнь гениального художника. Для мира остались дивные краски и причудливые чертежи, похищенные у Вечности. Для немногих – странные рассказы о земных видениях Врубеля. Для тесного кружка людей – маленькое восковое лицо в гробу с натруженным лбом и плотно сжатыми губами. Как недлин мост в будущее! Еще несколько десятков лет – и память ослабеет: останутся только творения, да легенда, еще при жизни художника сложившаяся.

Врубель жил просто, как все мы живем; при всей страсти к событиям, в мире ему не хватало событий; и события перенеслись во внутренний мир, – судьба современного художника; чем правильнее размежевывается на клеточки земная кора, тем глубже уходят под землю движущие нас боги огня и света.

Быть может, по темпераменту Врубель не уступал Веласкесу или подобным ему легендарным героям; то немногое, что приходилось слышать о нем, похоже на сказку более, чем на обыкновенную жизнь. Все так просто и, кажется, обыденно, – а между тем в каждую

страницу жизни вплетается зеленый стебель легенды; это подтверждает и подробная, написанная как-то по-старинному благородно и просто, биография (А. П. Иванов пишет именно так, как писалось о старых великих мастерах, – да и как писать иначе? Жизнь, соединенная с легендой, есть уже «житие»).

Вот страничка из «Врубелевой легенды», уже теперь довольно пространной: говорят, он переписывал голову Демона до сорока раз; однажды кто-то, случайно заставший его за работой, увидел голову неслыханной красоты. Голову Врубель впоследствии уничтожил и переписал вновь – *испортил*, как говорится на языке легенды; этот язык принуждает свидетельствовать, что то творение, которое мы видим теперь в Третьяковской галерее, – есть лишь слабое воспоминание о том, что было создано в какой-то потерянный и схваченный памятью лишь одного человека миг.

Потерян результат – и только; может быть, отвалился крохотный кусочек перламутрового отблеска с какой-нибудь части лица; но ведь это же могло сделать и время; нам, художникам, это не важно – почти все равно;

ибо всего важнее лишь факт, что творческая энергия была затрачена, молния сверкнула, гений родился; остальное принадлежит либо ошибке дрогнувшей руки мастера (а разве не может и у величайшего мастера дрогнуть рука?), либо силе времени – безошибочно разрушающей. Об ошибках и о времени пусть плачет публика, но не должны плакать мы, художники, у которых «золотой век в кармане», кому дороже то, что Венера *найдена* в мраморе, нежели то, что *существует* ее статуя. Творчество было бы бесплодно, если бы конец творения зависел от варвара-времени или варвара-человека.

Вот плитка мозаики из легенды Врубеля; здесь – голова Демона, там – поворот тела апостола в «Сошествии Св. Духа», а там еще – рассказ о какой-то англичанке из кафешантана, и еще, и еще: сны Врубеля, его бред, его разговоры, его покаяние... Все для нас разбито, разрознено; тех миров, которые видел он, мы еще не видели в целом, и потому удел наш – одним – смеяться, другим – трепетать, произнося бедное слово: «гений».

Что такое «гений»? Так все дни и все ночи

гадаем мы и мечтаем; и все дни и все ночи налетает глухой ветер из тех миров, доносит обрывки шепотов и слов на незнакомом языке; мы же так и не слышим главного. Гениален, быть может, тот, кто сквозь ветер расслышал целую фразу, сложил слова и записал их; мы знаем не много таких записанных фраз, и смысл их приблизительно однозначен: и на горе Синае, и в светлице Пречистой Девы, и в мастерской великого художника раздаются слова: «Ищи Обетованную Землю». Кто расслышат – не может ослушаться, суждено ли ему умереть на рубеже, или увидеть на кресте Распятого Сына, или сгореть на костре собственного вдохновения. Он все идет – потому что «скучные песни земли» уже не могут заменить «звуков небес». Он уходит все дальше, а мы, отстающие, теряем из виду его, теряем и нить его жизни, с тем чтобы следующие поколения, взошедшие выше нас, обрели ее, заалевшую над самой их юной, кудрявой головой.

Нить жизни Врубеля мы потеряли вовсе не тогда, когда он «сошел с ума», но гораздо раньше: когда он создавал мечту своей жиз-

ни – Демона.

Небывалый закат озолотил небывалые си-не-лиловые горы. Это только наше названье тех преобладающих трех цветов, которым еще «нет названья» и которые служат лишь знаком (символом) того, что таит в себе сам Падший: «И зло наскучило ему». Громада лермонтовской мысли заключена в громаде трех цветов Врубеля.

У Падшего уже нет тела, – но оно было когда-то, чудовищно-прекрасное. Юноша в забытьи «Скуки», будто обессилевший от каких-то мировых объятий; сломанные руки, простертые крылья; а старый вечер льет и льет золото в синие провалы; это все, что осталось; где-то внизу, ему лишь заметная, мелькает, может быть, ненужная чадра отошедшей земной Тамары.

*Он был похож на вечер ясный —
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.*

Снизу ползет синий сумрак ночи и медлит затоплять золото и перламутр. В этой борьбе золота и синевы уже брезжит иное; в художнике открывается сердце пророка; одинокий

во вселенной, не понимаемый никем, он вызывает самого Демона, чтобы заклинать ночь ясностью его печальных очей, дивным светом лика, павлиньим блеском крыльев, – божественною скукой, наконец. И золото горит, не стораая: недаром учителем Врубеля был золотой Джиованни Беллини.

Падший ангел и художник-заклинатель: страшно быть с ними, увидеть небывалые миры и залечь в горах. Но только *оттуда* измеряются времена и сроки; иных средств, кроме искусства, мы пока не имеем. Художники, как вестники древних трагедий, приходят оттуда к нам, в размеренную жизнь, с печатью безумия и рока на лице.

Врубель пришел с лицом безумным, но блаженным. Он – вестник; весть его о том, что в сине-лиловую мировую ночь вкраплено золото древнего вечера. Демон его и Демон Лермонтова – символы наших времен:

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.

Мы, как падшие ангелы ясного вечера, должны заклинать ночь. Художник обезумел, его затопила ночь искусства, потом – ночь

смерти. Он шел, потому что «звуки небес» не забываются. Это он написал однажды голову неслыханной красоты; может быть, ту, которая не удалась в «Тайной Вечере» Леонардо.

Да, он должен быть в том Раю, о котором он пел.

Он пел о блаженстве безгрешных духов

Под кущами райских садов.

*О Боге Великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

Апрель – май 1910